

АНДРЕЕВСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В РАССКАЗЕ

В. БРЮСОВА «СЕСТРЫ»

В. В. Королева

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация*

В статье доказывается гипотеза о том, что в рассказе В. Брюсова «Сестры» (1906), наряду с чеховским, пушкинским, тютчевским, толстовским, блоковским интертекстом, а также интертекстом произведений зарубежных авторов (М. Метерлинк, А. Франц, С. Пшибышевский, Э. Т. А. Гофман и Э. По), присутствует пласт андреевского текста, который восходит к таким рассказам Л. Андреева, как «Ложь» (1901), «Молчание» (1900), «Мысль» (1902), «Смех» (1901) и др., и проявляется в сходной проблематике (мотив запретной любви и возмездия за нее, проблема одиночества, которая реализуется в мотивах душевного опустошения и раскола личности (мотив безумия)), в архитектонике рассказа, который выстраивается на основе оппозиций (молчание – звуки («Молчание»), реальность – галлюцинации («Ложь», «Молчание», «Мысль»), любовь – ненависть («Ложь», «Мысль»), правда – ложь («Ложь»), в использовании цветовой символики белый – красный для создания атмосферы трагедии и смерти (черный – белый («Ложь»)), в стилистических приемах (парцелляция, градация, повторы и др.), многократное использование которых нагнетает атмосферу трагедии, а также в приеме одушевления абстрактного понятия «молчание», начинающего выполнять коммуникативную функцию в противовес словам, которые ее утрачивают. В заключение статьи утверждается мысль о том, что, несмотря на непростые межличностные отношения В. Брюсова и Л. Андреева, последний повлиял на формирование брюсовского прозаического стиля, который характеризуется сочетанием элементов мистического реализма, символизма и готики и проявляется в романе «Огненный ангел» (1907).

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, андреевский интертекст, раскол личности, оппозиции молчание – звуки, правда – ложь, живое – неживое.

Введение

В русской литературе рубежа XIX–XX вв. Л. Андреев заявил о себе как о талантливом и самобытном писателе, однако литературной элитой это было принято неоднозначно. Брюсов – корифей русской литературы и один из основоположников русского символизма – относился к Андрееву критически, что проявлялось в его противоречивых высказываниях в адрес оппонента.

Так, в статье «Русская литература за 1901 год» Брюсов называет рассказы Л. Андреева «ценным приобретением» литературы [1, с. 209]. Вместе с тем в дневниках за 1901 год демонстрирует свое пренебрежение к творчеству начинающего писателя: «Встретил на улице Чулкова, очень хвалил рассказ Л. Андреева “Стена”, но я в Андреева не верю и читать его не стану» [2, с. 105].

В сентябре 1902 года Брюсов вновь упоминает Андреева в своих дневниках, подчеркивая свое нежелание завязывать личное знакомство с начинающим писателем: «Присутствовал на одном заседании Худож. кружка. ... Говорились глупости. Я молчал. Еще упорнее молчал Леонид Андреев ... У него лицо газетного мастерового и длинные волосы – провинциализм. Мы не познакомились» [2, с. 124].

В обзорной статье за 1902 год Брюсов отмечает успех первого сборника Андреева, в котором

особенно выделяет рассказ «Бездна». В последующих отзывах на произведения Андреева русский символист указывает на достоинства повести «Жизнь Василия Фивейского» и рассказа «Красный смех». В 1906 году в рецензии к сборнику товарищества «Знание» Брюсов дает отрицательный отклик на драму Л. Андреева «К звездам» (1905, № 5 и 1906, № 6). В письме к Г. Чулкову от 19 июня 1906 г. он называет пьесу неудавшейся, плохой вещью, сцены в которой «...мертворожденные, ходульные, шаблонные, доказывающие, ... что Андрееву не следует братья за писание драм, как и стихов» [3].

В 1908 году в статье «“Жизнь человека” в Художественном театре» Брюсов дает противоречивую характеристику Андрееву. С одной стороны, называет его талантом: «Все новые произведения Л. Андреева возбуждают внимание критики и общества. ... Надо признать, что это вполне заслуженно: Л. Андреев – талант истинный, выдающийся» [4, с. 113]. Символист хвалит молодого писателя в первую очередь за удачные рассказы, которые, по его мнению, могут «...составить богатство русской литературы» и «...имеют право если не на так называемое “бессмертие”, то на жизнь не менее долгую, чем рассказы И. Тургенева или Гюи де Мопассана» [4, с. 113]. С другой стороны, Брюсов называет

Л. Андреева человеком неумным и необразованным [4, с. 113].

О пьесе «Жизнь человека» Брюсов и вовсе отзывается отрицательно. С этого момента конфликт между писателями обостряется и сопровождается нападками друг на друга. В ответ на критические замечания Брюсова Андреев отказывается публиковать символиста в альманахе «Знание». В этот же период в письме М. Горькому от 21–22 марта 1908 г. Андреев довольно резко отзывается о своем оппоненте: «Брюсов холоден, как рассудительный покойник на двадцатиградусном морозе» [5, с. 112]. Андреев подчеркивает позерство и наигранность в поведении Брюсова, а также шаблонность в поэзии: «Он очень талантлив, но лишь там, где он аппарат для писания стихов, искусный механизм. ... Там же, где он должен быть человеком, он просто скотина» [5, с. 112].

Таким образом, Брюсов признает талант Андреева, но не ставит его на один уровень с собой и другими символистами. Тем не менее, популярность Андреева, которая к 1905 году набирает силу, активная полемика вокруг его произведений, а также необычный стиль молодого писателя накладывают отпечаток и на творчество Брюсова, что особенно ярко проявляется в цикле «Земная ось» (1907) [6], в частности, в рассказе «Сестры» (1906).

Важно отметить, что Брюсов не скрывает заимствований, сделанных им во входящих в книгу произведениях, о чем пишет в предисловии к «Земной оси»: «Я сознаю, что в таких рассказах, как “Республика Южного Креста” или “Теперь, когда я проснулся...”», слишком сильно сказывается влияние Эдгара По, ... что в “Сестрах” явно повторена манера Ст. Пшибышевского и т. д.» [7, с. 4]. Однако А. Блок в своей рецензии на «Земную ось» Брюсова ставит под сомнение слова автора о повторении в рассказе «Сестры» манеры Ст. Пшибышевского: «У Пшибышевского нет такой холодной и пристальной способности к анализу, которой обладает Брюсов» [8, с. 640]. По мнению Блока, отличительной особенностью стиля Брюсова является глубокий анализ душевных переживаний персонажей.

Этот детализированный психологизм, пугающая атмосфера полубезумия в рассказе символиста напоминает манеру Андреева, которую отмечал сам Брюсов: «У Л. Андреева есть свой стиль. Его узнаешь с первых строк без подписи. ... У Л. Андреева есть умение изображать, рисовать четко, выпукло и ярко» [4, с. 113–114].

Обзор литературы

Архитектоника рассказа В. Брюсова «Сестры» отличается, по мнению ряда исследователей (Л. А. Дубинина [9], С. П. Ильев [10], С. А. Гуллакян [11], Н. Я. Абрамович [12], В. В. Королева [13] и др.), соединением автоинтертекстуальных и «чужих» мотивов – А. П. Чехова, А. С. Пушкина,

Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, М. Метерлинка, А. Франца, С. Пшибышевского, Э. Т. А. Гофмана, Э. По и др.

На наш взгляд, важным пластом «чужого» текста в «Сестрах» В. Брюсова является андреевский текст, который восходит к таким рассказам Л. Андреева, как «Ложь» (1901), «Молчание» (1900), «Мысль» (1902), «Смех» (1901) и др. Следует отметить, что пласт андреевского интертекста завуалирован Брюсовым другими «чужими» текстами, что связано с непростыми отношениями между писателями.

Методы исследования

В статье интертекст Л. Андреева в рассказе В. Брюсова «Сестры» исследуется с помощью сравнительно-сопоставительного, интертекстуального и биографического методов анализа художественных произведений.

Результаты и дискуссия

Андреевский интертекст в рассказе Брюсова «Сестры» проявляется в сходной проблематике, которая воплощается в мотивах запретной любви и возмездия за нее («Мысль», «Бездна»), в проблеме одиночества, реализуемой в мотивах душевного опустошения и раскола личности (мотив безумия («Мысль»)), в архитектонике рассказа, который выстраивается на основе оппозиций, которые создают резкий контраст, усиливая его трагическое звучание: *молчание – звуки* («Молчание»), *реальность – галлюцинации* («Мысль»), *жизнь – смерть* («Ложь», «Молчание»), «Мысль»), *любовь – ненависть* («Ложь», «Мысль»), *правда – ложь* («Ложь»), в использовании цветовой символики *белый – красный* для создания атмосферы трагедии и смерти (у Андреева белый – черный («Ложь»)), в стилистических приемах (парцелляция, градация, повторы и др.), многократное повторение которых нагнетает атмосферу трагедии, а также в приеме одушевления абстрактного понятия – молчания (оно оживает, начинает говорить, в то время как слова, которые герои произносят, утрачивают коммуникативную функцию, превращаясь в ничего не значащие звуки («Молчание», «Ложь»)).

Главным мотивом в рассказе Брюсова «Сестры» становится мотив наказания за предательство в любви. В центре повествования – история любви трех сестер к одному молодому человеку. Эта любовь разрушительная, связанная с мотивом запретной любви, а также с возмездием за нее. Брюсов демонстрирует, как любовь может опустошить душу человека. Сестры любят Николая по-разному. Любовь Лидии – покорная, нежная, любовь – жертва, страдание. Любовь Кэт – невинная, всеобъемлющая: «Я хотела любви беспредельной, безграничной» [7, с. 89]. Любовь Мары – любовь-страсть: «наша любовь была влечением тел, ... стихийной тайной» [7, с. 96]. Брюсов демонстрирует, как каждый тип любви переходит от обожания к ненависти.

Оппозиция *любовь – ненависть* является одной из ключевых у Андреева. Он детально анализирует аномалии человеческих отношений, грань, когда человеческое в душе стирается и побеждает темное и звериное. Например, в рассказе «Бездна» Андреев показывает, как нежное чистое чувство Немовецкого трансформируется в дикое и порочное, а в рассказе «Ложь» страсть и ревность к героине превращают главного героя в убийцу.

В рассказе Брюсова «Сестры» центральное место занимает оппозиция *правда – ложь*. Героини ревнуют Николая друг к другу, поэтому лгут: «...все это ложь. Он знал, он чувствовал, что она говорит неправду» [7, с. 94]. Отношения между героями, построенные на лжи и ревности, приводят к духовному омертвлению. Лидия: «И я, покаясь, стала как *автомат*. ... Все, что было во мне моего, личного, ты вырвал. Ты опустошил мою душу» [7, с. 93]. Николай, окруженный страстью и ревностью сестер, запутывается сам. Чувствуя, как его личность расщепляется, он пытается бежать от этих порочных связей.

Оппозиция *правда – ложь* неоднократно возникает и в произведениях Андреева [14]. Например, в рассказе «Ложь» главный герой хочет отомстить героине за ее предательство. Архитектоника рассказа Андреева сконцентрирована на обыгрывании понятий *ложь* и *правда*. Главный герой ищет правды, которая для него ассоциируется с добротой и любовью: «Сжимая ее руки, плача, я молил ее о жалости – и о правде» [15, с. 273]. *Ложь* же для него становится символом одиночества и предательства. Именно нехватка любви и равнодушие окружающих превращают героя в зверя.

Концепт *ложь* у Брюсова и у Андреева образует сходную лексико-семантическую группу, которая включает в себя следующие элементы: *ложь, обман, измена*. Недопонимание между героями приводит к конфликту, назревающему годами. Брюсов создает это противостояние, как и Андреев (рассказы «Ложь», «Молчание»), с помощью оппозиции *слово – тишина*. У Брюсова выстраивается антиномия: слово человека – это ложь, слова говорят, чтобы скрыть правду, молчание – это правда, но оно демонстрирует конфликт между героями и накаляет атмосферу. Сестры находятся в оппозиции друг к другу. Они практически не разговаривают, так как между ними серьезный конфликт: «Сестры медленно и молча вернулись в залу. ... Не знали, как заговорить» [7, с. 83], это порождает отчуждение, душевную пустоту. Молчание становится красноречивее слов, оно выражает ненависть, отражает конфликт («Сестры молчали, но им казалось, что они обмениваются незначимыми словами» [7, с. 83–84]), подавляет и, пронесенное сквозь призму времени, усиливает противостояние, поэтому любое слово может стать роковым: «И было довольно одной капли, ... одного слова, ... чтобы эти три женщины вскочили

с криком ужаса, упали бы без чувств или бросились друг на друга» [7, с. 84].

Молчание Николая символизирует пропасть и непонимание между героями («Николай все еще не мог произнести ни слова» [7, с. 84]. Молчание опустошает человека, порождает чувство одиночества, сводит его с ума. Например, Лидия чувствует себя «...женщиной, обезумевшей в несказанном для нее» [7, с. 86]. Она мечтает уйти из этой комнаты «...к свету, к голосу, к людям!» [7, с. 92]. Для нее поместье и дом ассоциируются с тюрьмой, с местом заточения души.

Важно отметить, что герои не молчат совсем. Они говорят, но эти слова являются продуманными, формальными, как у Николая («Он спешит проговорить приготовленный, заученный ответ» [7, с. 84]). Такая речь усиливает напряженную атмосферу, демонстрирует невысказанность чувств и страданий, приводит к усилению конфликта, который должен прорваться либо в слове, либо в действии.

На фоне общего молчания предметы неживого мира начинают «говорить» (тишина «звенит»). Внешние звуки не только звучат, но и оживают («Ветер вскрикивал» [7, с. 85], «Вьюга стонала» [7, с. 85]), получают материальное воплощение («Звон колокольчиков обретает свое тело» [7, с. 84]). Говорят и мертвые тела, мимикой выражая то, что не сказали словами: «Лицо Лидии было кротко, и ... губы спрашивали: уже? – но ... лицо Кэт отвечало убийству: пусть!» [7, с. 95]. Семантика слова в рассказе то сужается, то расширяется, как пространство («...за каждым сказанным словом угадывали всю бесконечность его значения» [7, с. 97]).

Оппозиция *молчание – звуки*, проявляющаяся в смещении коммуникативного значения со слов на неживые предметы и звуки, – прием, который в разных вариантах разрабатывал Л. Андреев. Например, молчание в одноименном рассказе выполняет двойную функцию. С одной стороны, символизирует отсутствие жизни: отец Игнатий «...садился в кресло, закрывал глаза и слушал, как молчит дом» [15, с. 200]). С другой стороны, молчание по контрасту с мертвым окружающим миром одушевляется, оно звучит, душит героя, преследует его и т. д.: «Оно поднимается от зеленых могил; ... тонкими, удушающими струями оно выходит из всех пор земли, насыщенной трупами» [15, с. 205]).

У Андреева так же, как у Брюсова, на фоне молчания героев коммуникативную функцию начинают выполнять предметы, которые выражают эмоции, говорят то, что люди не могут выразить словами, демонстрируют отчаяние, тоску («всхлипнув, лестница гнулаась и стонала» [15, с. 196]). Предметы одушевляются (молчащая клетка), они хранят память о живых (ноты Веры).

Такой же прием использует Андреев и в рассказе «Ложь», где мир предстает лишенным зву-

ков. Мертвая тишина пытается заглушить последние звуки, которые еще звучат в комнате, – это звук часов, который «...дрожал и плакал» [15, с. 272]. Вместо людей мир вещей начинает разговаривать: «...они [окна] тихо говорили мне своим синим и красным языком» [15, с. 273].

У Брюсова вслед за Андреевым тишина получает семантику смерти, что усиливается описанием комнат (кабинет и гостиная), дома и поместья, которые представляют собой пространство (локус), где время остановилось и царит атмосфера смерти. Не случайно неоднократно подчеркивается душная атмосфера внутри дома, сводящая с ума, наполненная мертвой тишиной. Герои пытаются вырваться из этого пространства, но не могут: «...выбегала [Лидия] раздетая на снежный двор и бросалась ничком на крыльцо, наземь» [7, с. 86]. Или: «Маре было душно. Она ... вышла на крыльцо» [7, с. 85]. Николай пытается уехать, но возвращается.

Описание зимней природы ассоциируется со смертью, тоской и безнадёжностью, ее звучание сравнивается с «чудовищным вальсом». Николай чувствует разрушительную, сводящую его с ума атмосферу комнаты, проникнутую ненавистью, страданиями и смертью: «Страшно ... когда они [мысли] приобретают вдруг независимую жизнь, нападают беспощадно» [7, с. 92].

Подобный прием использует Андреев в рассказе «Молчание». Интерьер дома отца Игнатия отражает отчуждение, непонимание в отношениях героев. Например, комната Веры имеет семантику смерти: «Все предметы ... издавали непрерывный запах тления» [15, с. 202]). Так же пусто и страшно выглядит гостиная: «...кресла стояли точно мертвецы в саванах» [15, с. 198].

Важное символическое значение для создания атмосферы трагедии и смерти у Брюсова имеют цвета, которые в рассказе выстраиваются на контрасте *красное – белое*. Красный – символ страсти, любви, белый – символ отчуждения, холода, смерти. Однако в комплексе эти цвета усиливают семантику смерти (красный на белом фоне ассоциируется с кровью на снегу из разбитой головы Лидии).

Цветовые прилагательные – важный символический прием у Андреева. Например, оппозиция *черное (темное) – белое* в рассказе Андреева «Ложь» создает атмосферу смерти. Мрачное, темное, черное – основной фон произведения. Однако и белый, который присутствует в описании героини (белая шея, белый профиль) и окружающего пространства («белело мертвое поле» [15, с. 272]), имеет семантику смерти.

Как у Андреева герой рассказа «Ложь» от ревности сходит с ума, так и у Брюсова описывается разрушительное воздействие на персонажей чувства ревности, которое переходит в безумие и заканчивается убийством. Вся атмосфера трагической ночи наполнена иллюзорностью, действия происходят на

гране галлюцинаций и реальности: «Он шел за ней по темным комнатам, как лунатик, и думал о том, как бред изменяет вид всех предметов» [7, с. 95].

В рассказе «Сестры» проявлением состояния помешательства становится истерический смех: «Она [Лидия] тоже хохотала в страшном ликовании истерического смеха» [7, с. 94]. Этот прием ярко представлен у Андреева, в произведениях которого беспричинный смех, хохот часто демонстрируют безумие (рассказ «Мысль»): «...я уселся тут же на полу и хохотал, хохотал, хохотал» [15, с. 587]. Смех главного героя рассказа Андреева «Мысль» пугает его, вводит в состояние ужаса, приводит к осознанию потери контроля над собой и заканчивается настоящим безумием. У Андреева смех становится символом духовной смерти и пустоты, поэтому главный герой рассказа «Ложь», совершив убийство, смеется.

Признаком омертвения души в «Сестрах» Брюсова являются *глаза*, которые отражают духовную смерть: глаза Мары в начале рассказа выглядят как мертвые («...неподвижные глаза Мары» [7, с. 85]). Подобный прием находим у Андреева в рассказе «Мысль», где глаза отражают духовное падение протагониста. В начале повествования глаза Керженцева («красивые, прямые, – и им верили» [15, с. 576]), в финале – «тусклые, незрячие» и отражают духовную смерть героя: «...он взглянул на публику ... из пустых орбит черепа на них взглянула самая равнодушная и немая смерть» [15, с. 626].

Образ мертвых глаз, которые символизируют духовную пустоту, появляется у Андреева и в рассказе «Ложь»: «...в окна молча глядело что-то большое, мертвенно-белое» [15, с. 274]. Главная героиня имеет красивые, но неживые глаза с темным непроницаемым зрачком.

Выводы

Несмотря на непростые отношения между Л. Андреевым и В. Брюсовым андреевский интертекст находит отражение в рассказе «Сестры» русского символиста и проявляется в сходной проблематике: любовь и смерть (мотив запретной любви между Николаем и сестрами и возмездие за нее), проблема одиночества (мотив душевного опустошения), раздвоение, раскол личности (мотив безумия). Рассказ Брюсова имеет характерный для Андреева принцип построения, основанный на оппозициях (молчание – звуки, реальность – галлюцинации, жизнь – смерть, любовь – ненависть, правда – ложь, красный – белый) и концентрации стилистических приемов (одушевление абстрактного понятия, цветовая символика, парцелляция, прием градации, повторы и др.), которые создают атмосферу полубезумия и смерти. Выделение андреевского интертекста в рассказе Брюсова является важным аспектом для понимания истоков и специфики формирования брюсовского прозаического стиля, который характеризуется сочетанием элементов мистического реализ-

ма, символизма и готики и найдет яркое воплощение в романе «Огненный ангел» (1907).

Литература

1. Анчугова, Т. В. Комментарии к статье В. Брюсова «Об отношении к молодым поэтам» / Т. В. Анчугова // Литературное наследство. – 1976. – Т. 85. – С. 205–209.
2. Брюсов, В. Я. Дневники 1891–1910 / В. Я. Брюсов ; подг. к печати И. М. Брюсова ; примеч. Н. С. Ашукина. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1927. – 203 с.
3. Брюсов, В. Я. Письма В. Я. Брюсова Г. Чулкову / В. Я. Брюсов. – 1907. – URL: http://az.lib.ru/b/bryusow_w_j/text_1907_pisma_k_chulkovu.shtml (дата обращения: 15.07.2024).
4. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Директ-Медиа, 2014. – Т. 6. Литературно-критические статьи 1893–1924 годов. Из книги «Далекие и близкие». – 601 с.
5. Л. Андреев о «литературном распаде» // Литературное наследство. – М. : Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. – 1932. – Т. 2. – С. 101–116.
6. Ларина, Н. А. Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Ларина. – М., 2018. – 38 с.
7. Брюсов, В. Я. Земная ось (Рассказы и драматические сцены) / В. Я. Брюсов. – М. : Скорпион, 1907. – 166 с.
8. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – М. ; Л. : Гослитиздат [Ленингр. отделение], 1960–1963. – Т. 6. Проза 1918–1921. – 556 с.
9. Дубинина, Л. А. Поэтика новеллы В. Брюсова «Сестры (из судебных загадок)» / Л. А. Дубинина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 3 (7). – С. 37–40.
10. Ильев, С. П. Мифопоэтическая основа книги рассказов «Земная ось» Валерия Брюсова / С. П. Ильев // Серебряный век: диалог культур : сборник научных статей по материалам научной конференции, посвященной памяти проф. С. П. Ильева. – Одесса : Астропринт, 2007. – С. 15–34.
11. Гуллакян, С. А. Предметный мир в сборниках В. Я. Брюсова «Земная ось» и «Ночи и дни» / С. А. Гуллакян // Брюсовские чтения 1996 года : сборник статей ; под ред. С. Т. Золян [и др.]. – Ереван : Лингва, 2001. – С. 53–61.
12. Абрамович, Н. Я. Валерий Брюсов, «Земная ось». Рассказы и драматические сцены / Н. Я. Абрамович // Современное обозрение. – 1907. – № 2. – URL: http://az.lib.ru/a/abramowich_n_j/text_1907_brusov_oldorfo.shtml (дата обращения: 15.07.2024).
13. Королева, В. В. «Гофмановский комплекс» в цикле рассказов и драматических сцен В. Я. Брюсова «Земная ось» (1901–1907) / В. В. Королева // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 113–119.
14. Королева, В. В. Гиперконцепт «ложь» в рассказе Л. Андреева «Ложь» / В. В. Королева // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2021. – № 4 (32). – С. 50–54.
15. Андреев, Л. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. Андреев. – М. : Художественная литература, 1990. – Т. 1.

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир), e-mail: queenvera@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Поступила в редакцию 14 ноября 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250110

ANDREEV'S INTERTEXT IN V. BRYUSOV'S SHORT STORY "SISTERS"

V. V. Koroleva

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

This article proves the hypothesis that in Valery Bryusov's short story "Sisters" (1906), there is a layer of text from Andreiev, along with Chekhov, Pushkin, Tyutchev, Tolstoy, and Blok along with foreign literature (Maeterlinck, Franz, Przybyshevsky, Hoffman, and Poe), which goes back Andreiev's stories "Lies" (1901), "Silence" (1900), "Thought" (1902), and "Laughter" (1901). This is manifest itself in similar motifs: forbidden love and retribution for it, loneliness

(realized in mental devastation and split personality (the motif of insanity)), in the structure of the story, which is built on the basis of oppositions: silence – sound (“Silence”), reality – hallucinations (“Lies”, “Silence”, “Thought”), love – hate (“Lie”, “Thought”), truth – lies (“Lie”), in the use of color symbols (white – red) to create an atmosphere of tragedy and death (black – white (“Lie”)), in stylistic techniques (parcellation, gradation, repetition, etc.), the repetition of which heightens the atmosphere of tragedy, and in animating an abstract concept (silence), which performs a communicative function in contrast to words which are losing this function. The article argues that, despite the difficult interpersonal relations between Bryusov and Andreev, the latter influenced the formation of Bryusov’s prose style, which is characterized by a combination of elements of mystical realism, symbolism, and the Gothic, and which is manifested in the novel “The Fiery Angel” (1907).

Keywords: Bryusov, Andreev intertext, split personality, oppositions silence – sound, truth – lies, the living is inanimate.

References

1. Anchugova T.V. Kommentarii k stat'ye V. Bryusova “Ob otnoshenii k molodym poetam” [Comments on the Article by V. Bryusov “On the Attitude Towards Young Poets”] // *Literaturnoe nasledstvo*. 1976. Vol. 85. P. 205–209.
2. Bryusov V.Y. Dnevnik 1891–1910 [Diaries 1891–1910]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy, 1927. 203 p.
3. Bryusov V.Y. Pis'ma V.Y. Bryusova G. Chulkovu [Letters of V.Y. Bryusov to G. Chulkov]. 1907. URL: http://az.lib.ru/b/brjusov_w_j/text_1907_pisma_k_chulkovu.shtml (date of accessed: 15.07.2024).
4. Bryusov V. Y. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 7 t. Moscow: Direkt-Media, 2014. T. 6. Literaturno-kriticheskiye stat'i 1893–1924 godov. Iz knigi “Dalekiye i blizkiye”. 601 p.
5. L. Andreev o “literaturnom raspade” [Andreev on the “Literary Disintegration”] // *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 1932. Vol. 2. P. 101–116.
6. Larina N.A. Miromodeliruyushchiye universalii v maloy proze Leonida Andreyeva i Valeriya Bryusova [World-Modeling Universals in Small Prose by Leonid Andreev and Valery Bryusov]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2018. 38 p.
7. Bryusov V.Y. Zemnaya os' (Rasskazy i dramaticheskiye stsény) [The Earth's Axis (Short Stories and Dramatic Scenes)]. Moscow: Scorpion, 1907. 166 p.
8. Blok A.A. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 8 t. Moscow; Leningrad: Goslitizdat [Leningrad Branch], 1960–1963. T. 6. Proza 1918–1921. 556 p.
9. Dubinina L.A. Poetika novelly V. Bryusova “Sestry (iz sudebnykh zagadok)” [The Poetics of V. Bryusov's Novella “Sisters (from Judicial Riddles)”] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*. 2015. № 3 (7). P. 37–40.
10. Il'yev S.P. Mifopoeticheskaya osnova knigi rasskazov “Zemnaya os'” Valeriya Bryusova [The Mythopoeic Basis of the Book of Short Stories “The Earth Axis” by Valery Bryusov] // *Serebryanny vek: dialog kul'tur: sbornik nauchnykh statey po materialam nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati prof. S.P. Il'eva*. Odessa: Astroprint, 2007. P. 15–34.
11. Gullakyan S.A. Predmetnyy mir v sbornikakh V.Y. Bryusova “Zemnaya os'” i “Nochi i dni” [The Objective World in the Collections of V. Y. Bryusov “The Earth axis” and “Nights and Days”] // *Bryusovskiy chteniya 1996 goda: sbornik statey; pod red. S.T. Zolyan [i dr.]*. Yerevan: Lingva, 2001. P. 53–61.
12. Abramovich N.Y. Valeriy Bryusov, “Zemnaya os'”. Rasskazy i dramaticheskiye stsény [Valery Bryusov, “The Earth Axis”. Short Stories and Dramatic Scenes] // *Sovremennoye obozreniye*. 1907. № 2. URL: http://az.lib.ru/a/abramovich_n_j/text_1907_bryusov_oldorfo.shtml (date of accessed: 15.07.2024).
13. Koroleva V.V. “Gofmanovskiy kompleks” v tsikle rasskazov i dramaticheskikh stsen V.Y. Bryusova “Zemnaya os'” (1901–1907) [“Hoffmann Complex” in the Cycle of Short Stories and Dramatic Scenes by V.Y. Bryusov “The Earth Axis” (1901–1907)] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. Vol. 25, № 3. P. 113–119.
14. Koroleva V. V. Giperkontsept “lozh” v rasskaze L. Andreyeva “Lozh” [The Hyperconcept “Lies” in L. Andreev's Short Story “Lies”] // *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovykh. Seriya: Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki*. 2021. № 4 (32). P. 50–54.
15. Andreyev L. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 6 t. Moscow: Artistic literature, 1990. Vol. 1, 2.

Vera V. Koroleva – D. Sc. (Phylology), Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir), e-mail: queenvera@yandex.ru

Received November 14, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Королева, В. В. Андреевский интертекст в рассказе В. Брюсова «Сестры» / В. В. Королева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 84–90. DOI: 10.14529/ssh250110

FOR CITATION

Koroleva V. V. Andreev's intertext in V. Bryusov's short story "Sisters". *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 84–90. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250110
